

Мы надеемся, что «Летопись Кунсткамеры. 1714–1836» станет надежным источником по истории Российской Академии наук и Кунсткамеры, важным этапом в написании истории отечественного музееведения.

Библиография

- Азиатский музей 1818–1918. Пг., 1920.
Беляев О. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800.
Бертельс Д.Е. Азиатский музей — Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР. М., 1972.
Дорн Б.А. Азиатский музей // Очерк истории музеев Императорской Академии наук. СПб., 1865.
Коймас Л. Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша. СПб., 2008
Летопись Российской академии наук. СПб., 2000. Т. 1; СПб., 2002. Т. 2; СПб., 2003. Т. 3; СПб., 2007. Т. 4.
Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953.
Станюкович Т.В. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // 250 лет Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.; Л., 1964.
Тихонов Д.И. Сокровища Азиатского музея и их собиратели // Сборник МАЭ. Т. XXIX. Л., 1973.

Т. Б. Щепанская

ДОРОГА И ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКАХ Т. А. БЕРНШТАМ И Е. Э. БЛОМКВИСТ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МАЭ РАН)

Это сообщение подготовлено в рамках исследования этнографических экспедиций как практики мобильности, а полевых дневников — как итинерариев (путевых текстов, от лат. *Itinerarium* — записки, путевые заметки, маршрут). Полевой дневник рассматривается в социологии как одна из форм или стадий текстуализации опыта исследователя, заданная институциональными

рамками соответствующей научной дисциплины. Это и средство перевода биографического опыта в научное знание [Geertz 1989: 10; Максимова 2002: 129]. Как раз в контексте биографического опыта полевой дневник и прочитывается как итинеративный текст, поскольку с точки зрения биографии исследователя фиксируемый в нем опыт — это именно опыт поездки, путешествия, опыт мобильности. Насколько явно это (мобильность) отражается в структуре и содержании полевого дневника как текста?

Дневник этнографической экспедиции — текст, связанный с мобильным этапом исследовательской деятельности, средством его репрезентации в вербально-графической форме в целях архивного хранения и дальнейшего научного использования. Форма эта задана институтом и организационными рамками этнографической науки с некоторой спецификой требований в разных учреждениях. Здесь мы рассматриваем полевые дневники этнографов, в разные периоды работавших в одном из таких учреждений — Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) АН СССР (впоследствии РАН) и хранящиеся в архиве этого учреждения.

Исследовательские вопросы формулируются нами исходя из итинеративной природы исследуемого источника: как в полевых дневниках (в их структуре и содержании) представлены практики мобильности? Как эти репрезентации обусловлены институциональным контекстом и как они менялись (и менялись ли) со временем? Каким образом полевые дневники могли оказывать влияние на сами практики мобильности (этнографические экспедиции)? План исследования предусматривает анализ с этой точки зрения дневников, составленных в разные годы разными представителями этнографического сообщества. В данном сообщении будут представлены два примера: полевые дневники, составленные Е.Э. Бломквист (1922 г., Ярославская губ.) и Т.А. Бернштам (1972 г., Мурманская обл.).

«Дневник экспедиции» Е.Э. Бломквист в Мологский у. Ярославской губ. (15.07. — 07.08. 1922)

Дневник Е.Э. Бломквист посвящен экспедиции в Мологский у. Ярославской губ. Моложско-Ситского отряда, на начальном этапе путешествовавшего совместно с Вельегонским, затем они раз-

делились. В архиве МАЭ хранятся два дела, посвященных этой поездке: одно озаглавлено «Дневник экспедиции» (АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1, № 9. 53 л.) представляет собою блокнот в черном дерматиновом переплете, обернутый бумагою, с листами 9,2×13,2 см, разлинованными в клетку. Записи сделаны простым и химическим карандашом, имеются зарисовки предметов материальной культуры (приспособлений для изготовления полозьев, отбивки кос, тележки, стойки для катания с гор, поплавок, наличников, образцов узорчатой резьбы). Для каждой записи указаны дата и место. Кроме этого дневника в материалах экспедиции хранится «Записная книжка» (АМАЭ. Ф. 10. Оп. 1. № 8. 56 л.), представляющая собою записи на листах в линейку, сшитых в два самодельных блокнота форматом 11×16 см, и на отдельных листах в линейку и нелинованных. Все эти листы и самодельные тетрадки обернуты листом клетчатой бумаги, на котором написано заглавие: «Записная книжка. Ярославская г. Мологский у.».

Итинеративное предназначение дневника и записной книжки отражено в их материальной форме: формат таков, что блокнот легко умещается в ладони и приспособлен к записи на ходу, стоя и т.п., записи велись карандашом (тоже адаптация к походному способу ведения), обычно простым (считалось, что такие записи не расплывутся в случае попадания во влажную среду), иногда — химическим. В Записной книжке есть одна страничка, написанная чернилами, и там текст местами размазан (л. 18).

Перемещения экспедиции отражены и в содержании полевых записей, в основном в Дневнике, в структуре которого записи о передвижениях занимают место рамки по отношению к описаниям этнографических объектов или тем разговоров с информантами.

Дневник Е.Э. Бломквист открывается описанием дороги из Петрограда к месту проведения исследований (л. 1–2). Первая часть пути — от Петрограда до ст. Максатиха — отмечена одной фразой, без указания даже средства передвижения (можно только предположить, что ехали по железной дороге), но зато с точным обозначением времени отъезда и приезда: «Выехали в субботу 15-го 11.30 из Петрограда, приехали в Максатиху в 3 ¼ ночи» (л. 1). Зато дальнейший путь — по реке на лодке до первой рабочей оста-

новки — описан подробно, с описанием устройства лодки «с бес-сидками» (дощатыми сиденьями), видов берегов и остановки на привал. Еще одно подробное описание дороги будет только в середине дневника, где Е.Э. Бломквист живописует переход по реке «дивной ясной ночью» на лодке из с. Новинка в Усть-Кировскую (л. 31), а затем — из Устюжны до устья Чагодощи (л. 36–37). Оба описания заняли примерно по полстранички убористым мелким почерком.

Экспедиция работала, переезжая в лодке по р. Мологе, и дальнейшие перемещения отмечены в основном названиями деревень, в которых она останавливалась. В некоторых случаях переезды, переходы и переправы отмечены краткими, обрывочными замечаниями: «Паром против Гузеева на стальном тросе» (л. 16); «Переход через Кирьву, около Усть-Кировской» (л. 34); «Привал у сосны и катание горшков» (л. 34 об.); «В 9 ч. веч. приехали в Весьегонск, ходили в городской сад, ночевали в музее» (л. 41). Иногда эти записи не вполне понятны и больше напоминают пометки на память: «Ночью 21-го прибыли в Пороги, пробыли 22-е и 23-го в 8 ч.у. выехали вчетвером!!! Дальше?? Увы, о горе мне!??+наш хозяин» (л. 17); в некоторых встречаются точечные, но яркие этнографические наблюдения: «Перевоз деда с хлебом (“боюсь я брести-то”))» (л. 35).

В описаниях передвижений экспедиции отражены пути сообщения (здесь — река), средства передвижения, места ночевки и привалов в дороге, а также некоторые впечатления путешественников, в основном визуальные, виды берегов: деревень, церковных зданий, монастырей, мастерских, рощ, неолитических стоянок и др. — с точки зрения проезжающего; в некоторых случаях — краткие описания (скорее, упоминания) дорожных случаев или тем разговоров. Единственное, что всегда точно фиксируется при каждом перемещении (с точностью до четверти часа) — это время начала и завершения пути.

Река: водный путь. Описывая в дневнике реку Мологу, Е.Э. Бломквист обращает внимание не только на виды берегов, ориентиры, достопримечательности, но и на те характеристики реки, которые могут повлиять на скорость и характер передвижения. Так, после впадения в Мологу р. Волчины «...течение стало

быстрее, в узких местах почти не приходится грести, лодку несет быстрее, чем обычная ходьба пешехода» (л. 1). На реке отмечает мели, на которые время от времени лодка «садилась» и затем с них «съезжала», и пороги. Встречаются камни: на один из них также «сели» после Волчины, там же проскочили в «ворота, каменного еза» посреди реки; еще три камня находились в устье речки, впадавшей в р. Мологу слева ниже сел. Мардас (л. 1, 22). Относительно «каменного еза» следует предположить, что использование этого названия здесь метафорическое: вообще «ез» — это перегородка в русле небольших речек, сделанная из кольев и переплетенная прутьями. Один такой ез был замечен экспедицией в устье временного стока ручья с лугов на правом берегу Мологи (рисунку на л. 22). Автор дневника фиксирует лексику, связанную с описанием реки: *ситница* — проток со стремниной; «*кривуля* на реке, река кривулям идет» (л. 37, 50 об.); «*каржина* — глубокое место на реке, в каржине камня нет, есть холодная каржина, есть теплая» (л. 50 об., д. Менюшино, р. Сить). Бломквист отмечает у реки «сторожки водников», а в одном месте «остов» такой сторожки. Эти сторожки, вероятно, были интересны как места возможных остановок — в двух случаях возле них отряд останавливался и устраивал привал.

Средства передвижения. Экспедиция двигалась по реке, соответственно, основным средством передвижения были водные. Экспедиция отбывает из Максатихи «в начале девятого часа веч... на дощанике с беседками (дощечки, кот. кладутся поперек лодки)» (л. 1). Описывается перевоз через реку у с. Спаса Забережья: «Долго кричали на левом берегу перевозчика (“вы не за коровам-ли?”), пока перевозчица не перевезла на лодке на стальном тросе» (л. 10). Сделана зарисовка парома на стальном тросе у с. Гузеева — плоской дощатой платформы со столбиками ограждения — высокими с одной стороны и низкими — с другой (л. 16).

В с. Борисово-Нижние пороги экспедиция фиксирует большую лодку с деревянным рулем для перевозки груза, которая называется «завозня», имеется зарисовка лодки с удлиненным острым приподнятым носом (вид сбоку) и почти вертикально обрезанной кормою. Ср.: у В.И. Даля: «*завозня* ж. — плоскодонная лодка сажени в три, с разохою с кормы и с носу, по которым ходит канат;

род речного баркаса, который завозит и закидывает якорь, когда судно идет завозом» [Даль 1995, 1: 562]. Перечислены и другие виды лодок — *потник*, тут же написано: *бортник* — лодка с одним веслом (л. 19); на л. 25: *ботник*, судно; распашная — лодки с двумя и четырьмя веслами (л. 19). В словаре В.И. Даля ботник — «корыто для лодки, без набоев; долбленая колода», «*ботники* или *баты* тяжелы, грубой работы, тупоносы и крайне вертлявы и опасны; это лодки наших рыбаков» (Там же: 120). Распашная лодка у В.И. Даля — «шлюпка, гичка, у которой оключины расшиты вразноряд, вразносад, вразбежку, через весло направо и налево; по одному гребцу рядом, с долгим, разносным, распашным веслом» (Даль 1995, 4: 66). В Дневнике Е.Э. Бломквист зарисовка на л. 20 фиксирует лодку с короткими приподнятыми носом и кормою и четырьмя поперечными распорками или сиденьями (долбленка?).

Проехав устье Чагодоши, участники экспедиции отмечают множество барж и барок — очень красивых, нарядных, «с громадными рулями, одной рубкой и двумя навесами» (л. 37). Дальше едут с гребцом (до этого гребли сами экспедиционеры?).

Упомянется «деревня, в которой был Судострой» (Лентьево?), похожая на подгородное село, отмечает городской налет в одежде жителей, палисадники у домов, много солдат и матросов. Далее экспедиция прибывает в Моденский мужской монастырь на высоком правом берегу Мологи, вскоре после него увидели на берегу постройку барок: два остова и одна почти готовая барка стояли на невысоких подставках, о которых сказано, что они «вязаные ажурн[ым?] срубом» (л. 38–38 об.). Е.Э. Бломквист отмечает на маршруте несколько мест постройки барок: Усть-Кировское, устье Чагодоши (и Лентьево), Пежа или Пера (написано неразборчиво) и уже упоминавшееся место на берегу на одну версту ниже Моденского монастыря.

После г. Вельегонска работа экспедиции протекает на р. Сить, упоминаются с. Брейтово, дер. Балабаново, с. Мерзлеево, д. Княгинино. Вероятно, к последней относится запись о лодках-мариинках, которые стали заменяться полулодками, указаны размеры (этих лодок?): 20 сажений длинник и 4 поперечник. Длинник увеличивали до 21–22 сажений, поперечник — до 4 с половиной (л. 48). Упомянется мастер мариинок Смирнов (л. 49).

Пешие переходы. На Ситчине экспедиция меняет средство передвижения: приехав из Вельегонска в Борисоглеб (упомянуты по пути станции — передвигались железной дорожкой?), после ночевки отправляются на лошадях за 15 верст в с. Брейтово, на следующее утро — в Сицкарщину, в Покровское (остановились у д. Копани в 2-х верстах); далее упоминаются пешие переходы с базы отряда в разные деревни (например, в д. Балабаново). При этом автор дневника описывает местность — уже не столько «виды», сколько ориентиры: «3 августа пошли в Балобаново, слева остаются овиничи, справа на холмах (на правом берегу Сити) дер. Коростель, прямо мельница. Часовня, “*прощенные ручьи*, где в старину был монастырь и провалился” (разговор со стариком). Ходят с глазам, которые вылечиваются, которые нет, только на грех наведет. Молебны не служат, третьего года был молебен — две деревни собрались, попу заплатили. Иконки приносят из деревень разные. От Трубанова на горе было Мамаево побоище (Брейтовск. вол. и Балобаново, и Овиничи, каждый год нах[одят] золот[ые] вещи и др.» (л. 42 об.). Интересно, что, описывая пешие переходы, Е.Э. Бломквист упоминает рассказы (по всей видимости, попутчиков) о местных достопримечательностях и происшествиях. Визуальные впечатления, доминировавшие во время водных переходов, дополняются этими рассказами. «Возвращ[ались] с Алексеем Градусовым, рассказывал о *буках*, если человек идет один, ему помрещится, как будто человек, подойдет ближе — пропадет. Приключалось — рассказывали... но ничего не...» (л. 50 об.).

Привалы и ночевки. Еще одна сквозная тема в рамках репрезентации перемещений экспедиционного отряда — это остановки на привал и ночевку. Привалы устраивали во время водных переходов, на берегах реки, мысах, у сторожек, разводили костры, пили чай. Ночевать устраивались на сеновалах — как «в лугах» и на берегу, так и у местных жителей; ночевали в банях у жителей или в домах (однажды жаловались на «нападение клопов»); в Вельегонске ночевали в музее, в Покровском (на Сити) — в школе. Среди местных жителей, к которым обращались (в том числе и за помощью в обустройстве), упоминаются несколько раз священнослужители и члены их семей (жены), насельники монастыря, а также учительница, сапожник, у которого также остановились

на ночлег. К священникам и их семьям приходят в гости, пьют у них чай, ночуют на сеновале, от них записывают рассказы о местных достопримечательностях и церковные легенды.

Обращает на себя внимание, что в дневнике нет списка участников экспедиции, вначале они просто названы «Моложско-Ситский отряд+весьёгонцы», в некоторых местах упоминаются их имена и то сокращенно (Ник.С., Д.А.).

В целом передвижение репрезентируется в дневнике через указание времени выезда и приезда, перечисление мест остановок и работы (привалов, населенных пунктов), описание визуальных впечатлений во время пути (от созерцания небес и реки до «видов» берегов), примечательных мест и рассказов попутчиков. Все это вместе (описание пути) составляет рамку, в которую вписываются обрывочные записи, характеризующие собственно полевую работу этнографов: описания вещей, ремесел, преданий, лексики, а также зарисовки отдельных предметов материальной культуры и имен информантов и помощников.

Полевой дневник экспедиции Т.А. Бернштам в Мурманскую обл. (1972 г.)

Второй образец полевого дневника также хранится в Архиве МАЭ (Ф. К-1. Оп. 2. Д. 940) и озаглавлен «Дневник экспедиции в Мурманскую область и КАССР». Дневник представляет собою тетрадь обычного тетрадного формата в дерматиновом коричневом переплете. Заполнены и оставлены для архивного хранения 55 листов. На первой странице указаны сроки: июнь — июль 1972 г. (неточное указание сроков обычно было связано с тем, что оформление титульного листа тетради происходило еще до начала собственно поездки). Тут же указан состав отряда: Бернштам Т.А., Лапин В.А., Алас А.Т. Из текста, правда, следует, что в экспедиции был еще один человек — позже других присоединилась девушка по имени Жанна.

Маршрут экспедиции зафиксирован в дневниковых записях и легко восстанавливается по ним: поездом Ленинград — Канда-лакша, оттуда редакционным ГАЗиком, предоставленным редактором газеты «Кандалакшский коммунист», в с. Колвица, опять в Кандалакшу, затем автобусом в д. Княжая Губа (остановились

в Зеленоборске в гостинице), оттуда автобусом через Лесозаводской поселок в Койду, затем опять через Лесозаводской и Княжью Губу в Кандалакшу, оттуда теплоходом «Акопян» в центр Терского района п. Умбу, оттуда в Кузреку автомобилем в сопровождении автоинспектора, назад в Умбу той же машиной, оттуда теплоходом «Соловки» в Кашкаранцы (оттуда была поездка на мотоцикле на аметистовый рудник), затем почтовым самолетом в Оленицу, оттуда автомобилем до Умбы, в Кандалакшу (теплоход «Акопян») и поездом в Ленинград. Экспедиция, судя по записям, началась 20/21 июня и закончилась 30 июля 1972 г.

Дорожные зарисовки (переездов между остановками в экспедиции), так же, как и в дневнике Е.Э. Бломквист, обрамляют описания полевой работы на местах (разговоры с информантами, наблюдения и пр.). Однако собственно передвижения представлены иначе.

На первый план выступают эпизоды контактов с попутчиками, местными жителями, а чаще всего — с представителями местной власти или работниками культуры.

Дневник открывается описанием поездки в поезде «Ленинград — Кандалакша» 20/21 июня, точнее, разговором с попутчицей в этой поездке — женщиной из Мончегорска. Т.А. Бернштам довольно подробно передает разговор с нею и заостряет внимание на теме северной идентичности: «Лейтмотив всех ее разговоров: у нас на севере, северные люди и т.п. (элемент самосознания)», — а также на рассказах попутчицы о своем городе, привычках местных жителей и особенностях городского благоустройства (л. 1).

Переговоры с представителями власти повторяются при каждом отъезде и приезде как своего рода ритуал, начиная с оформления командировочного удостоверения и заканчивая расспросами о местной идентичности и возможных информантах. С официальными лицами участники экспедиции договариваются о транспорте: в дневнике упоминаются переговоры с руководителем отдела культуры при районной администрации в Кандалакше, с руководителем Кандалакшского народного музея, по совместительству работником отдела по труду и занятости, с редактором районной газеты, на чьем ГАЗике в конце концов и совершили переезд. С представителями власти же ведутся переговоры и по поводу

жилья, правда, не всегда успешно. Живут в домах у местных жителей, иногда те предоставляют исследователям пустующие дома, а также в гостиницах.

Еще один ритуал, обрамляющий переезды, — «отвально» и «привально», в праздновании которых участвуют члены экспедиции, а в ряде случаев и местные жители и официальные лица, активно помогавшие с транспортом и размещением. Вот описание «отвально» перед отъездом из Колвицы 30.VI: «В обед устроили “отвально”... суп был наш, Алин (Алла Алас — одна из участниц экспедиции, которая часто брала на себя приготовление пищи. — *Т.Щ.*), еще вчерашний, на второе Федосья (хозяйка дома, где остановился отряд. — *Т.Щ.*) нажарила свежайшей трески с луком, отварила картошки, гречневой каши. Когда немного выпили и поели, Виктор (Лапин. — *Т.Щ.*) дал Федосье послушать записанные в Колвице причитания и песни. Она с первых же слов залилась слезами и сквозь слезы... начала показывать и рассказывать нам свадебные действия; тут мы и поняли, с каким информатором жили. Кое-что я успела записать...» (л. 17 об.)

Перед переездом из Ковды «отвально», как пишет Т.А. Бернштам, «было очень радостным: записи отличные, Мавра удивительно владеет голосом и поет по существу одна. Агафья Моисеевна тоже слушала, глядела на магнитофон и плакала. Потом пили чай, обсуждали, что сделали, смеялись, шумели, ходили всем скопом на кладбище...» (л. 32). Подведение итогов очередного этапа полевой работы, прослушивание записей, иногда вместе с информантами — также повторяющийся элемент «отвальных» посиделок перед отъездом. Тут же прощальные походы в особенно понравившиеся места (здесь это старое кладбище, в других местах — пляж, берег моря и др.), эмоциональные прощания с хозяевами временной базы отряда, приглашения и обещания приехать еще.

Перед отъездом из Умбы в Кузреку также устраивали «отвально», и также с завершающим аккордом полевой работы: «После ужина с “отвальным” Анна Дмитриевна чудесно распелась и напела на запись 2 очень красивые песни (рекрутскую и лирическую), прямо для демонстрации. Итого здесь сделано 10 записей, да и я выяснила для себя необходимое» (л. 38).

Собственно переездам посвящены отдельные страницы, фиксирующие средства передвижения, способы организации переез-

дов (к кому пришлось обратиться, кто согласился помочь транспортом), а также проходящую лейтмотивом тему трудности пути. «Самый трудный момент в экспедиционной работе — это переезд в другое место, — так начинает Т.А. рассказ о переезде из Кандалакши в Колвицу. — В данном случае... мы с трудом выбивали транспорт из (...) — нач. отдела культуры. В конце концов нам помогло участие в нашей поездке милейшей (...) — экскурсовода и собирателя музейных предметов Кандалакшского народного музея. Нас повез редакторский газик (ред. “Кандалакшский коммунист”) по чудесной дороге, по невероятным ухабам в Колвицу» (л. 10 об.). Эта двойственная характеристика дороги — красота пейзажей и мучительное переживание тряски на ухабах — повторялась несколько раз и в других описаниях. И, наконец, завершающий эпизод экспедиции: дорога домой. «28/VII. Дом запирали сами, как будто уезжали хозяева и потом вернутся... всю дорогу каждый сам по себе вспоминал и переживал события и впечатления этого экспедиционного лета. К реальной обстановке нас возвращала тряская и длительная, чрезвычайно утомительная дорога в 50 км до Умбы, после которой мы (особенно Виктор) еле стояли на ногах. В Умбе подводили самые общие итоги, слегка отдыхали. Сегодня в ночь уезжаем на “Акопяне” в Кандалакшу. Мыслями уже в Ленинграде; разделили рюкзаки, прощались с Женей, Валентином...» (л. 55). Далее — посадка на теплоход («Вот и все»), почта в Кандалакше, билеты, поезд в Ленинград описаны пунктиром.

Описание дороги в дневнике Т.А. Бернштам строится иначе, чем у Е.Э. Бломквист, хотя в структуре дневника занимает то же рамочное место. Здесь переезды изображены не линейной последовательностью перемещений, а как повторяющийся набор ритуализованных действий, как бы сворачивающих работы, результаты и впечатления очередного локального этапа перед каждой дорогой. Собственно же дорога (переезд) предстает как предприятие, трудное в физическом (тряска) и организационно-коммуникативном плане (необходимость найти транспорт при отсутствии или нерегулярности общественного, поиски жилья и информантов). Завершение переезда отмечается описанием впечатлений от ландшафта (весьма восторженных: воздух здесь необычайно свежий и

«вкусный»; с берега моря или лесной полянки не хочется уходить, несмотря на полчища комаров; дважды было использовано выражение «крайское место»). Таким образом, описание переезда, выступающее в рамочной роли, само также обретает рамку — маркеры начала (прощание с информантами, «отвально»), подведение итогов) и завершения (прибытие на место и знакомство с ним). Костры и посиделки у костров присутствуют, но в отличие от дневника Бломквист здесь они описываются не как привалы в дороге, а как эпизоды знакомства с местом работы, отдыха или прощания перед отъездом.

Полевой дневник: итинеративные аспекты

Мы проанализировали два текста, написанных в жанре «полевого дневника» этнографической экспедиции. Оба воспроизводят дискурс одной научной дисциплины и даже одного учреждения и, несмотря на временной разрыв в пятьдесят лет, одну и ту же структуру: описания переездов выступают как рамка, в которую вписаны описания собственно профессиональной работы. Хотя дорога представлена как средство добраться к месту работ, но и здесь упоминаются некоторые эпизоды сбора этнографического материала в разговорах с попутчиками. Роль же дорожных наблюдений в дневнике Е.Э. Бломквист более заметна, чем у Т.А. Бернштам. У Т.А. Бернштам дорожные фрагменты значительно четче обрамлены ритуализованными действиями и отделены от описаний собственно сбора материалов. В ее описаниях переездов на первый план выступают социально-коммуникативные действия: общение с официальными лицами, представителями власти и работниками культуры на местах. Любование же пейзажами значительно не столько в пути (как у Е.Э. Бломквист), сколько уже в местах временного проживания — после приезда и перед отъездом, а также во время отдыха.

Библиография

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Терра, 1995.

Максимова А.С. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 1–2. С. 128–140.

Geertz C. Works and lives: the anthropologist as author. Stanford University Press, 1989.

Т. М. Яковлева

ПЕРВЫЕ ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА ЕВРОПЫ

Каталог иллюстративных коллекций отдела Европы был составлен в 1992 г. [Лаврентьева 1992]. В нем внимание акцентируется на самой многочисленной группе иллюстраций — фотографических коллекциях, а за основу систематизации взят тематический принцип. Каждая тема внутри подразделяется на этносы, и указываются места съемки, если они известны. Таблица общих сведений составлена в хронологическом порядке. Такая структура, несомненно, являясь большим подспорьем в работе с иллюстративными коллекциями, имеет и свои недостатки. У иллюстративного фонда по сравнению с предметным есть своя специфика. Она состоит в том, что не только в каждой из его коллекций может быть заложено несколько тем, но и в каждом отдельном снимке часто заключается многоплановое содержание. Снимок оленевода рядом с санями на фоне избы как минимум включает в себе три темы: костюм, средства транспортировки и жилище. Поэтому систематизация по тематическому принципу либо станет громоздкой и будет грешить повторениями, либо может не раскрыть в полной мере тематическое содержание иллюстративной коллекции. В одном и том же снимке костюма разные исследователи могут акцентировать внимание на различных его деталях. Занимаясь поиском конкретной информации при использовании цифровых систем, нередко сталкиваешься с ситуацией, когда ключевым словом к фотографии с изображением женщины в полный рост в традиционном костюме является, к примеру, слово «повойник».

Хронологические таблицы также не дают однозначной информации. Время поступления ранних иллюстративных коллекций не совпадает со временем регистрации, также оно может весьма